

А. Г. БОБРОВ

УПОМИНАНИЯ РУССКИХ КНЯЗЕЙ XIV—XV ВЕКОВ В АВТОГРАФАХ ЕФРОСИНА БЕЛОЗЕРСКОГО

Предполагаемое автором данной статьи княжеское происхождение кирилло-белозерского монаха Ефросина¹ в целом не было поддержано исследователями книжности этой обители. Предположение о том, что сын князя Дмитрия Юрьевича Шемяки Иван в 1463 г. постригся в иноки и стал монахом Ефросином, обосновывается целым комплексом аргументов, ни один из которых не является самодостаточным. Среди этих аргументов немаловажное место занимает и особый интерес Ефросина к теме «князя-инока», и его внимание к княжескому роду Рюриковичей в целом, особенно к «гнезду» князя Ивана Даниловича Калиты и к ветви князей «Юрьевичей», потомков третьего сына Дмитрия Донского.

М. А. Шибаев, хотя и признал предложенную нами гипотезу о тождестве князя Ивана Дмитриевича Шемякина и Ефросина Белозерского «наиболее интересной», высказал против нее ряд возражений.² Исследователь увидел противоречие между датой наиболее ранней писцовой записи Ефросина 18 июля 1463 г. и тем обстоятельством, что известие о посольстве из Новгорода в Литву к князю Ивану Дмитриевичу помещено в Летописи Авраамки в конце годовой статьи 6971 г. (т. е. до конца августа 1463 г.). «Это означает, — пишет М. А. Шибаев, — что еще в самом конце лета 1463 г. Иван Дмитриевич Шемятич воспринимался новгородцами как

---

¹ *Бобров А. Г.* 1) Попытка одного отождествления: (Князь Иван Дмитриевич = иннок Ефросин) // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 270—278; 2) Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2005. Т. 22. Р. 238—298; 3) Ефросин Белозерский как историограф // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 134—144; 4) Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинока Ефросина Белозерского: (Опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 94—172.

² *Шибаев М. А.* Загадки биографии инока Ефросина — книжника Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XV в. // История и культура: Актуальные проблемы: Сб. статей в честь 70-летия проф. Юрия Константиновича Руденко. СПб., 2005. С. 85—93.

вполне дееспособный политик, никак не связанный с Кирилло-Белозерским монастырем (...) и это делает невозможным отождествление Ефросина и князя Ивана Дмитриевича».³ Однако известие о посольстве Новгорода в Литву помещено после известия о пожаре 28 августа 1463 г., когда до окончания 6971 г. оставалось три дня, а в летописной статье речь идет о протяженных во времени событиях, которые никак не могли уместиться в оставленное на них М. А. Шибаевым время («Того же лѣта послаша Навгородци посоль свой Олуфѣрья Васильевича Слизина къ королю в Литву о княжи возмущении еже на Великий на Новѣгородъ Ивана Васильевича; такоже и Микиту Левонтѣева ко князю Ивану Ондрѣвичю Можайску и къ князю Ивану Дмитреевичю побороть по Великомъ Новѣгородѣ от князя великого, и имашася побороть, како Богъ изволи»⁴). Здесь рассказывается об отправке двух посольств, которые успели съездить в Литву и привезти в Новгород ответ на сделанные предложения. Более того, продолжая свой рассказ, автор пишет: «И тое *зимы* (курсив мой. — А. Б.) умири Богъ...». Поскольку следующая статья 6972 сентябрьского года начинается точно датированным известием от 14 сентября 1463 г., можно уверенно утверждать, что речь здесь идет не о грядущей, а о прошедшей зиме 1462/1463 г. В таком случае обмен посольствами между Литвой и Новгородом происходил не позже зимы 1462/1463 г., по крайней мере за полгода до 18 июля 1463 г., когда Ефросин Белозерский оставил свою первую писцовую запись. Таким образом, соображение М. А. Шибаева о датировке новгородского посольства в Литву концом 6971 г., а по сути дела — последними тремя днями августа 1463 г., представляется абсолютно недопустимым, и, соответственно, его вывод о невозможности отождествления на этом основании князя Ивана Дмитриевича и инока Ефросина не может быть принят.⁵

Другие аргументы М. А. Шибаева против подобного отождествления имеют «косвенный» характер и были подробно разобраны в постскрипуме к статье о биографии Ивана Дмитриевича. Предпринятая М. А. Шибаевым попытка найти факты, противоречащие нашей гипотезе, не представляется убедительной. Приведенные им аргументы не являются доказательными, а порой, наоборот, служат в пользу наших представлений о происхождении кирилло-белозерского книжника. Несмотря на приведенные возражения, в энциклопедической статье о Ефросине М. А. Шибаев категорически утверждает, что гипотеза о тождестве князя Ивана Дмитриевича и Ефросина «представляется неверной».⁶

По мнению другого исследователя книжности Кирилло-Белозерского монастыря С. Н. Кистерова, отождествление князя Ивана Дмитриевича и ино-

³ Там же. С. 88.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Стб. 214.

⁵ Бобров А. Г. Ранний период биографии... С. 171—172.

⁶ Шибаев М. А. Ефросин // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 489.

ка Ефросина — это «увлекательная, авантюрная догадка, по достоинству и весьма аргументированно отвергнутая»⁷ М. А. Шибяевым. Приведенные нами в статье 2008 г. возражения С. Н. Кистеревым не принимаются во внимание. Кажется, один лишь А. Ю. Чернов признал верным отождествление Ефросина и князя Ивана Дмитриевича, которое рассматривается им как «весьма убедительная многоуровневая атрибуция».⁸ Подтверждение нашей гипотезы А. Ю. Чернов видит в том, что Краткая «Задонщина», принадлежащая перу Ефросина, добавляет, сравнительно с другими списками памятника, еще четырех Иванов — Ивана Калиту, Ивана Дмитриевича, Ивана Сано и Ивана Белозерского.⁹

За истекшее с момента появления гипотезы десятилетие не было приведено ни одного аргумента, безусловно ее опровергающего (например, не обнаружено упоминаний монаха Ефросина до 1463 г. или деятельности князя Ивана Дмитриевича после этой даты), поэтому сомнения и возражения уважаемых оппонентов не поколебали нашей уверенности в правильности предложенного отождествления.

В данной статье рассмотрены упоминания в автографах Ефросина Белозерского русских князей — его предполагаемых предков, а именно Ивана Калиты, Дмитрия Донского, Юрия Галицкого и Дмитрия Шемяки (соответственно прапрапрадеда, прадеда, деда и отца Ивана Дмитриевича). Не обладая силой решающих доказательств, эти свидетельства могут дать дополнительный материал для решения вопроса о происхождении свящеинока Ефросина Белозерского.

1. Иван Калита

В рукописях Ефросина великий князь Иван Данилович Калита называется в нескольких текстах. В первую очередь, упоминание князя Ивана Даниловича в автографе Ефросина находится в Краткой «Задонщине». Обращаясь к участникам похода, Дмитрий Иванович Донской говорит: «Братъца моя милая, русские кн(я)зи, гнѣздо есмя были едино кн(я)зя великаго Ивана Данильевич(а)» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 125—125 об.). Существенным является отличие этого текста, переписанного рукой Ефросина, от всех остальных списков «Задонщины», где князя отнесены к «гнезду» Владимира Киевского. Разумеется, оба указания правильны, но упоминание святого крестителя Руси более «этикетно», появление же в данном контексте имени московского князя XIV в. с неоднозначной репутацией (см. об этом подробнее ниже) является куда более неординарным и «авторским». Указание на единого родоначальника именно московской

⁷ Кистерев С. Н. Перспективные проблемы «ефросиноведения» // Русская литература. 2009. № 3. С. 77—78.

⁸ Чернов А. Ю. Хроники изначного времени. «Слово о полку Игореве»: Текст и его окрестности. СПб., 2006. С. 49—50.

⁹ Там же. С. 50.

ветви рода Рюриковичей («гнезда» Калиты) представляется особенно актуальным во второй половине XV в., когда между потомками великого князя Ивана Даниловича, действительно, пролегла настоящая пропасть.

Это чтение кажется не случайным в свете еще одного упоминания князя Ивана Калиты кирилло-белозерским книжником. Оно находится в составе «Русского летописца» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 14 об. и РНБ, собр. Погодина, № 1554, л. 11—15), переписанного, по мнению большинства исследователей, рукой самого Ефросина. Так считали Я. С. Лурье, Р. П. Дмитриева, М. Д. Каган и автор данной статьи.¹⁰ Недавно эта точка зрения была оспорена С. Н. Кистеревым, считающим, что текст «Русского летописца» принадлежит перу другого книжника, не Ефросина Белозерского.¹¹ Более того, впоследствии исследователь пришел к выводу, что этим книжником был игумен Кирилло-Белозерского монастыря Игнатий.¹² Точка зрения С. Н. Кистерова вызвала решительные возражения М. А. Шибаева, который отметил, что отличия в написании некоторых букв «связаны не с тем, что они были выполнены двумя разными людьми, а с возрастными особенностями формирования писцовой манеры Ефросина».¹³ В ответной статье С. Н. Кистерев вновь повторил свои аргументы и не согласился с доводами М. А. Шибаева,¹⁴ а О. Л. Новикова, по сути дела, уклонилась от признания правоты той или иной стороны, лишь отметив, что Я. С. Лурье считал летописец автографом Ефросина, а «дальнейшее изучение рукописного наследия книжника привело к полемике среди исследователей по поводу правильности такой атрибуции».¹⁵

Хотя аргументы С. Н. Кистерова не представляются достаточно убедительными (полное сопоставление написаний букв не представлено в его статьях), осторожность не позволяет нам уверенно говорить обо всех упоминаниях Ивана Калиты в «Русском летописце» как принадлежащих перу Ефросина. Лишь одно чтение, связанное с этим князем, признается авто-

---

¹⁰ *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV века // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 132—133; *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношения списков «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 251; *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 8; *Бобров А. Г.* Ефросин Белозерский как историограф. С. 135.

¹¹ *Кистерев С. Н.* Ефросин и «Роуский летописец» // Летописи и хроники. Новые исследования: 2008. М.; СПб., 2008. С. 94—123.

¹² *Кистерев С. Н.* Об авторе «Русского летописца» в сборнике Ефросина Белозерского // Летописи и хроники. Новые исследования: 2009—2010. М.; СПб., 2010. С. 223—236.

¹³ *Шибаев М. А.* Ещё раз об атрибуции почерка средневекового книжника Ефросина // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 137.

¹⁴ *Кистерев С. Н.* Книжники Кирилло-Белозерского монастыря и «Летописец вскоре патриарха Никифора» // Летописи и хроники. Новые исследования: 2011—2012. М.; СПб., 2012. С. 100—104.

¹⁵ *Новикова О. Л.* Из истории редактирования летописных памятников в Кирилло-Белозерском монастыре на рубеже XV—XVI веков // Летописи и хроники. Новые исследования: 2011—2012. М.; СПб., 2012. С. 222—223.

графом Ефросина Белозерского даже самим С. Н. Кистеревым: «В тексте „Русского летописца“ можно видеть некоторые пометы, сделанные его рукой. В списке русских князей на л. 14 об. к имени Александра Невского добавлено „великъ“, а к имени Ивана Даниловича — „Калита“».¹⁶

Определение времени, когда Ефросин Белозерский вносил в текст «Русского летописца» свои пометы, в том числе «Калита», имеет для нас существенное значение, поскольку такое именование великого князя Ивана Даниловича не зафиксировано ранними источниками.¹⁷ Для датировки внесения в текст помет Ефросином Белозерским определяющее значение имеют сделанные его рукой дополнения к списку русских митрополитов. Последний в списке иерархов Иона умер в 1461 г., причем все имена митрополитов пронумерованы, а завершается список фразой «[В]сех их 29». Имена же 30-го и 31-го митрополитов (Феодосия и Филиппа) добавлены, безусловно, самим Ефросином¹⁸ позже написания основного текста, очевидно, между 11 ноября 1464 г., когда Филипп стал митрополитом, и 29 июня 1473 г., когда его сменил владыка Геронтий. По всей видимости, пометы Ефросина к тексту «Русского летописца» были сделаны не позже первой половины 1470-х гг.

У князя Ивана Даниловича было по меньшей мере два прозвища. В родословном списке князей Троицкого списка Новгородской первой летописи младшего извода он назван «Добрым»: «А Данилеи роди Ивана Доброго, иже исправи Рускую землю от татеи, от разбоиникъ, ото всякого мятежа».¹⁹ Этот текст, за исключением прозвища «Добрый» и окончания («ото всякого мятежа»), совпадает с данными статьи «Сице родословятся велицѣи князи русьстии» Комиссионного списка Новгородской первой летописи: «Даниль роди Ивана, иже исправи Русьскую землю от татеи и от разбоиникъ».²⁰

По сравнению с этим прозвищем, именование князя «Калитою» представляется далеко не столь однозначно комплиментарным. Калита — это заимствование из тюркских языков, где, согласно М. Фасмеру, слово *kalta* означало «карман, кожаный мешок, кошелек»,²¹ а в древнерусском языке понималось как «кошель, мешок, сумка»;²² «кожаная сумка, мешок,

¹⁶ Кистерев С. Н. Ефросин и «Роуский летописец». С. 101.

¹⁷ В источниках XIV в. слово «калита» встречается четырежды: в качестве прозвища боярина Степана в южнорусской грамоте 1388 г., в Духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. («поясь золот с калитою») и дважды в приписках на рукописях XIV—XV вв. («что кунъ, то все в калите, что портъ, то все на себе»). См.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1991. Т. 4. С. 195.

¹⁸ Это признает и С. Н. Кистерев (см.: Кистерев С. Н. Ефросин и «Роуский летописец». С. 104).

¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 561.

²⁰ Там же. С. 465.

²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2: (Е — Муж). С. 168.

²² Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1991. Т. 4: (изживати — моление). С. 195.

кошель, пришиваемый или пристегиваемый к поясу». ²³ Исследователи тракуют это прозвище в весьма широком оценочном диапазоне — от щедрости до скопидомства (приведенная в словаре В. И. Даля пословица «Скупой собирает, а чорт калиту шьет» ²⁴ подтверждает возможность последней интерпретации).

Наиболее ранние свидетельства прозвания Ивана Даниловича «Калитю» относятся к середине XV в. Об этом говорится в нескольких источниках, самым ранним из которых, видимо, является статья «Родословие тѣх же князей» в Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода, содержащая чтение «Сынове Ивановы Калитины». ²⁵ Этот текст принадлежит перу летописца, описавшего события 1440—1446 гг., поэтому его следует датировать второй половиной 1440-х гг., т. е. временем, когда в Новгороде, скорее всего, уже находились семья и двор Дмитрия Юрьевича Шемяки, и велось отразившееся в Летописи Авраамки совместное «владычно-княжеское» летописание за 1447—1457 гг. ²⁶ Характерно, что то же чтение встречается в списке князей, сопровождающем и саму Летопись Авраамки («Сынове Иванови Калитины» ²⁷).

В ранних летописных упоминаниях ничего не говорится о том, почему князь получил прозвище «Калита», но более поздние тексты содержат две «объясняющих» его имя версии. Согласно Волоколамскому патерику (первая половина XVI в.), Пафнутий Боровский (умер в 1477 г.) говорил ученикам, что Иван Данилович был так прозван «сего ради: бѣ бо милостивъ зѣло и ношаше при поясѣ калиту, всегда насыпану сребрениць, и, куда шествуя, даяше нищимъ, сколько вымется». ²⁸ Преподобный Пафнутий Боровский был близким великокняжеской семье человеком и передавал, очевидно, фамильные предания потомков Ивана Даниловича. Здесь представлена «благочестивая» трактовка истории прозвища «Калита», но существовала и другая версия, ей решительно противоречащая.

В родословце русских князей, принадлежащем перу анонимного кирилловского монаха самого начала XVI в. (около 1501—1502 гг.) читается следующий фрагмент, соединяющий два прозвища Ивана Даниловича: «Данил роди Иоанна Добраго Калиту, царь ординескыи дал ему калиту, иже исправи Русскую землю от татей и от разбоя и от всякого мятежа». ²⁹

²³ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7: (К — крагуяръ). С. 36.

²⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2: (И — О). С. 78.

²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 466.

²⁶ *Бобров А. Г.* Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века // Летописи и хроники. Новые исследования: 2008. М.; СПб., 2008. С. 124—151.

²⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 308.

²⁸ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 96. Тот же текст: Волоколамский патерик (По рукописи Московской Синодальной библиотеки № 927). Сергиев Посад, 1915. С. 27.

²⁹ РНБ, Q.XVII.57, л. 222 об. Цит. по: *Новикова О. Л.* Из истории редактирования летописных памятников... С. 229.

Подчеркнутый текст, безусловно, восходит к списку князей в новгородской летописи (см. выше, Троицкий список). Выделенный полужирным шрифтом текст явно вставлен в середину фразы, заимствован из другого источника и при этом не вполне понятен: ничего не сказано о том, зачем, когда и при каких обстоятельствах Иван Данилович получил от ордынского хана («царя») этот мешок для денег. В западнорусской Слуцкой летописи, сохранившейся в списке 20—30-х гг. XVI в., слова «царь ординский дал ему калиту», видимо как не вполне понятные, оказались сокращены, но второе прозвище князя сохранилось: «Данилеи роди Иоана Доброго Калиту, иже исправи Рускую землю о (sic! — А. Б.) татеи и от разбоя (sic! — А. Б.), от всякого мятежа». ³⁰

Приблизительно к тому же времени, что и список Слуцкой летописи, относится краткий родословец русских князей дьякона Мисаила Голутвинского (РГБ, ф. 304 (собр. ТСЛ), № 770, л. 428—429), опубликованный и прокомментированный Н. С. Демковой. ³¹ В нем, как и в кирилловском родословце 1501—1502 гг., говорится: «Данило роди Иоана Калиту, царь ордыньский дал ему калиту, иже исправи Рускую землю от татеи, и от разбоя, и от всякаго мятежа». ³² В очень сокращенном виде это чтение отразилось в списке того же родословца, принадлежащем перу кирилловского дьяка Вассиана (50-е гг. XVI в.): «Данил роди Иоанна Калиту». ³³

Характер дополнительных чтений кирилловского родословца, в том числе указание на волость Киснему на северном берегу Белого озера как место смерти Рюрика, по справедливому заключению О. Л. Новиковой, «безусловно говорит о Белозерском происхождении дополнений родословца, что позволяет считать автором, зафиксировавшим устные предания, либо нашего книжника (кирилло-белозерского писца Q.XVII.57. — А. Б.), либо его предшественника, насельника Кириллова монастыря». ³⁴ Сама О. Л. Новикова не дает ответа на вопрос, кем же мог быть этот «его предшественник, насельник Кириллова монастыря», любитель устных преданий, но из приведенных исследовательницей материалов можно сделать определенные выводы. Анонимный кирилловский книжник, переписавший в 1501—1502 гг. родословец русских князей, пользовался рукописями Ефросина Белозерского, что доказывается целым рядом обстоятельств. Этот книжник, переписывая «Летописец вскоре патриарха Никифора», учел все пометы и дополнения на полях и между строк ефросиновской рукописи

³⁰ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35: Летописи Белорусско-литовские / [Сост. и ред. Н. Н. Улащик]. С. 79.

³¹ Демкова Н. С. Устное предание об Александре Невском в Троицком родословце начала XVI в. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 362—373.

³² Там же. С. 372.

³³ Архив СПбИИ РАН, колл. 11, № 244, л. 52. Цит. по: Новикова О. Л. Из истории редактирования летописных памятников... С. 235.

³⁴ Новикова О. Л. Из истории редактирования летописных памятников... С. 220.

Кир.-Бел. 22/1099,³⁵ и он же внес в основной текст запись Ефросина Белозерского на правом и нижнем полях той же рукописи о троицких игуменах и князе Юрии Дмитриевиче.³⁶ Важно также отметить, что несомненно принадлежащая перу Ефросина Белозерского помета к упоминанию имени Александра Невского «великъ» (в том же «Русском летописце»: РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 14 об.) связана с известием кирилловского родословца русских князей в списке 1501—1502 гг.: «Ярослав роди Александра Храбраго Невьского, великого возрастом: дѣисус целовал».³⁷

Какое же именно устное предание о происхождении прозвища «Калита» отразилось в фиксации кирилловского книжника? Дело разъясняется обращением к тексту Краткого летописца в списке начала XVII в. из Погодинского собрания, исследованному и частично опубликованному Я. С. Лурье.³⁸ На этот фрагмент обратила внимание Н. С. Демкова,³⁹ а О. Л. Новикова сочла данную летописную параллель к упоминанию Калиты в кирилловском родословце «очень важной».⁴⁰ Здесь говорится о борьбе между Москвой и Тверью в первой половине XIV в. и сообщается следующее: «В лето 6847 [1339] посла царь по князя Ивана Данильевича и по князя Михаила Александровича и позва их // къ себе с выходы. Они же царя послушав поидоша в Орду. И царь веле князя Михаила казнит смертною казнию. И сняша калиту со князя Михаила и даша князю Ивану Даниловичю и нарек его княз Иванъ Калита, и сына князя Михайлова умори. И царь пожаловал князя Ивана Тверию и всею Рускою землею».⁴¹

Это известие, безусловно, имеет легендарный характер. Тверской князь Михаил Александрович — это современник и соперник не Ивана Даниловича Калиты, а Дмитрия Ивановича Донского, и умер он своей смертью в Твери 26 августа 1399 г., приняв перед смертью постриг в тверском Афанасьевском монастыре. Н. С. Демкова считает, что речь идет о другом тверском князе, Михаиле Ярославиче: «Иван Данилович выступает здесь вместо своего старшего брата, великого князя Московского Юрия, а

---

³⁵ Новикова О. Л. Сборник книжника рубежа XV—XVI веков с рассказами о Флорентийской унии и афонских монастырях: Опыт атрибуции // Каптеревские чтения: Сб. ст. М., 2011. Вып. 9. С. 11—12.

³⁶ Новикова О. Л. Из истории редактирования летописных памятников... С. 210 (Ил. 1а, 1б, 1в).

³⁷ Там же. С. 229. Н. С. Демкова показала, что известие о росте Александра Невского восходит к тексту Лаврентьевской летописи, где говорится: «взраст его паче инѣх человекъ» (ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1, вып. 2. С. 477), но здесь князь не назван «великим» в значении роста (Демкова Н. С. Устное предание об Александре Невском. С. 362—367), поэтому наличие ефросиновских помет «великъ» и «Калита» должно быть связано между собой: обе они отразились в кирилловском родословце 1501—1502 гг.

³⁸ Лурье Я. С. Краткий летописец Погодинского собрания // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 431—444.

³⁹ Демкова Н. С. Устное предание об Александре Невском. С. 368—369.

⁴⁰ Новикова О. Л. Из истории редактирования летописных памятников... С. 220.

⁴¹ РНБ, собр. Погодина, № 1612, л. 126 об.—127. Цит. по: Лурье Я. С. Краткий летописец Погодинского собрания. С. 433.

у тверского князя-мученика перепутано отчество: „Александрович“ вместо „Ярославич“». ⁴² Нам представляется, однако, что в образе летописного «Михаила Александровича» соединились черты двух реальных тверских князей-мучеников, окончивших жизнь в Орде: Михаила Ярославича (совпадает имя) и Александра Михайловича (совпадает дата). Казненный в Орде сын был у обоих святых князей. Такое смешение образов двух князей воедино характерно для фольклорно-апокрифической традиции, где встречается, например, несуществующий «великий князь Даниил Иванович», соединивший черты как Даниила Александровича Московского, так и Ивана Даниловича Калиты. ⁴³

Предание о происхождении прозвища «Калита» по денежному мешку, снятому с убитого в Орде тверского князя, косвенно подтверждается реальным существованием этой «калиты». Драгоценный кошель, принадлежавший московским князьям, хранился в Большой Казне еще в XVII в.: «Калита старинная великаго князя Данила, сафьянъ черлень; по ней шито серебромъ волоченымъ птицы и звѣри; у калиты жъ на закрышкѣ личинка золота, прорѣзная, а с исподи плащъ рѣзной, золотъ же с чернью; на верхней личинкѣ въ кругахъ по человѣку на конѣхъ, по середкѣ колечко; да на калитѣ жъ плащикъ золотъ рѣзной, с чернью; на немъ шурупецъ». ⁴⁴ Вполне вероятно, что именно этот «пояс золот с калитою» упоминался в Духовной грамоте Дмитрия Ивановича Донского 1389 г. (см. выше, примеч. 17).

Таким образом, прозвище Ивана Даниловича «Калита» могло иметь как комплиментарный (согласно Пафнутию Боровскому), так и весьма сомнительный, едва ли не пейоративный характер (согласно Краткому летописцу Погодинского собрания и связанной с ним кирилло-белозерской традиции). Если великий князь действительно получил прозвище «Калита» по денежному мешку (для сбора дани?), снятому татарским ханом с убитого им тверского князя-мученика, то память об этом могла сохраниться в первую очередь в фамильных преданиях самих потомков Ивана Даниловича.

Уникальные сведения о русских князьях, оказывается, находят едва ли не наиболее ранние отражения в пометах Ефросина Белозерского к тексту «Русского летописца». Прозвище «Калита» (как и указание «велик» к имени Александра Невского), неизвестное письменным источникам до середины XV в., могло бытовать в устном предании в княжеском роде, в «гнезде» Ивана Даниловича, поэтому помета Ефросина косвенно свидетельствует в пользу его тождества с сыном Дмитрия Шемяки, князем Иваном Дмитриевичем.

⁴² Демкова Н. С. Устное предание об Александре Невском. С. 369.

⁴³ Бобров А. Г. Жития новгородских святых в Прологе Папского Восточного института // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 567—568.

⁴⁴ Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. С. 44.

2. Дмитрий Донской

Внук Ивана Калиты Дмитрий Донской является главным героем «Задонщины». В Краткой «Задонщине», дошедшей до нас в единственном списке, созданном Ефросином Белозерским (Кир.-Бел. 9/1086, л. 123—130 об.), Дмитрий Иванович упомянут 13 раз — на протяжении всего текста, от заглавия до заключения.

Приведем полный перечень упоминаний этого князя в Краткой «Задонщине».

1) «Задонщина великог(о) кн(я)зя г(о)с(подин)а Дмитрия Иванович(а) и брата его кн(я)зя Володимера Ондрѣвич(а)» (л. 123).

2) «...восхваляя ихъ гѣс(нь)ми и гуслеными буиньми словесы на рускаго г(о)с(подин)а кн(я)зя Дмитрия Иванович(а) и брата его кн(я)зя Володимера Ондрѣвич(а), занеже ихъ было мужество и желание за землю Русьскую и за вѣру хр(и)стианьскую» (л. 123 об.—124).

3) «Се азъ кн(я)зь великый Дмитрии Иванович и брать его кн(я)зь Володимеръ Ондрѣвич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крѣпостью...» (л. 124).

4) «Жаворонокъ птица, въ красныя д(ь)ни утѣха, възди под синие облакы, пой славу великому кн(я)зю Дмитрею Иванович(ю) и брату его Володимеру Ондрѣвич(ю)...» (л. 124).

5) «Стоять мужи нагородци у с(вя)тѣя Софии, а ркучи такову жалобу: „Уже намъ, брате, к великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю на пособъ не поспѣти“» (л. 124 об.).

6) «...сѣхалися вѣ кн(я)зи рускыя к великому кн(я)зю Дмитрию Иванович(ю) на пособъ» (л. 125).

7) «Тако реч(е) кн(я)зь великый Дмитрие Иванович своеи братии рускимъ кн(я)земъ: „Братьца моя милая, русские кн(я)зи...“» (л. 125).

8) «Земля еси Русская, какъ еси была доселева за ц(а)рёмъ за Соломоном, такъ буди и н(ы)нѣча за кн(я)земъ великим Дмитриемъ Ивановичемъ» (л. 127).

9) «Г(о)с(поди)не кн(я)зь Дмитреи, не ослабляи, уже, г(о)с(поди)не, поганыя татарове на поля на наши наступаютъ, а вои наши отнимають» (л. 127 об.).

10) «Тогда же кн(я)зь великый Дмитреи Иванович ступи во свое златое стремя, вѣдъ на свои борзны конь, принимая копие в правую руку» (л. 127 об.).

11) «В лѣт(о) 6890 быс(ть) Тахтамышевщина август(а) 20 на кн(я)зя на Дмитрия Иванович(а), и взя Москву и много зла сътвори» (л. 130).

12) «В лѣт(о) 6[8]91 кн(я)зь велики Дмитрие сослалъ Киприанана (sic! — А. Б.) на митрополита на третей годъ по Задонщинѣ» (л. 130).

13) «В лѣт(о) 6896, мая 19 преставис(я) кн(я)зь велики Дмитреи Иванович по Задонщинѣ на осмой годъ» (л. 130—130 об.).

По сути дела, вся Краткая «Задонщина» посвящена восхвалению имеющего эпические черты главного героя — Дмитрия Донского («восхваляя... пес(нь)ми и гуслеными буиными словесы», л. 123 об.), прадеда князя Ивана Дмитриевича Шемякина, также имевшего все основания претендовать на великое княжение.

Еще в одном случае исследователи предполагали описку Ефросина («Иван Дмитриевич» вместо «Дмитрии Иванович»). Действительно, по смыслу речь должна идти о Дмитрии Донском: «Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремитъ в славноѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит(ь), стучить сильная рать великаго кн(я)зя Ивана Дмитриевич(а), гремять удалци золочеными шеломы, черлеными щиты» (л. 126). Мы видим здесь, однако, не описку, а сознательную литературную игру Ефросина — Ивана Дмитриевича.⁴⁵ Эту мысль поддержал А. Ю. Чернов, также считающий, что чтение «Ивана Дмитриевича» — «это не описка, а подпись», сфрагида.⁴⁶

Дополнительно к высказанным ранее соображениям отметим, что в третьем примере начало фразы («Се азъ кн(я)зь великы...»), казалось бы, лишено смысла, ведь далее идет речь о Дмитрии Донском и его «брате» Владимире Андреевиче. Чтение «Се азъ...» представляется исследователям ошибочным, но оно обретает смысл в случае мысленного продолжения, соединения его с другим загадочным чтением: «...великаго кн(я)зя Ивана Дмитриевич(а)». Авторская подпись «Се азъ кн(я)зь великы (<...> великаго кн(я)зя Ивана Дмитриевич(а)» оказывается в таком случае скрыта в двух разных частях сочинения.

Кроме того, возможно, Дмитрию Ивановичу посвящена находящаяся в том же ефросиновском сборнике Молитва митрополита Киприана «писана в Лутце над гробомъ княжимъ Дмитреевымъ» (Кир.-Бел. 9/1086, л. 93—95 об.). Список этого сочинения, принадлежащий перу Ефросина, является самым ранним из сохранившихся.⁴⁷

Особое отношение к Дмитрию Ивановичу книжника Ефросина Белозерского вполне естественно, если принять его отождествление с правнуком великого князя — Иваном Дмитриевичем.

3. Юрий Галицкий

В сборниках Ефросина находится три упоминания сына Дмитрия Донского, деда Ивана Дмитриевича, великого князя Юрия Галицкого. Два из них читаются в составе «Русского летописца» и, возможно, не принадлежат перу самого Ефросина Белозерского (если принять точку зрения С. Н. Ки-

⁴⁵ Бобров А. Г. Ранний период биографии... С. 145—146.

⁴⁶ Чернов А. Ю. Хроники изначного времени. С. 50.

⁴⁷ Молитва Киприана опубликована по этому списку: Варлаам, архим. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Ученые записки Второго Отделения имп. Академии наук. 1859. Кн. 5. Отд. 3. С. 49—50.

стерева). Первое из них посвящено рождению и крещению князя: «В лѣто 6883 ноября 26 князю великому Дмитрею Ивановичу родися сынъ в Переяславли Юрии, и крести его преподобныи игумен Сергие старец» (РНБ, собр. Погодина, № 1554, л. 15).⁴⁸ Второе упоминание Юрия Галицкого представляет собой одно из заключительных известий основной части «Русского летописца» и посвящено кончине этого князя: «Того же лѣта (1434 г. — А. Б.) преставися князь Юрии Дмитриевич» (Там же, л. 15).

Наиболее существенным является третье упоминание Юрия Дмитриевича, на этот раз бесспорно дошедшее в автографе Ефросина. Оно находится в записи на полях, которая представляет собой своего рода примечание к упоминанию в основном тексте сборника имени Сергия Радонежского: «Сергие преставис(я) в лѣт(о) 6900 м(е)с(я)ца семпевра 25, жил 70 лѣт, 30 лѣт игуменил, а Никонъ 40 лѣт игуменил, потом Сава (...) лѣт. Кн(я)зь Юрьи Дмитриевич хрестникъ его» (Кир.-Бел. 22/1099, л. 167, запись на правом и нижнем полях).⁴⁹ Очевидно, что Юрий Дмитриевич был крестником не игумена Савы, упомянутого в перечне последним, а, как мы знаем из Троицкой летописи (см. примеч. 48), преподобного Сергия Радонежского.⁵⁰

Это же упоминание Юрия Дмитриевича, как недавно установила О. Л. Новикова, отразилось в рукописи анонимного кирилловского книжника конца XV — начала XVI в., перенесшего это известие с полей в основной текст своей рукописи: «Сергии преставис(я) в лѣт(о) 6900 м(е)с(я)ца сеп(тевриа) 25, жил 70 лѣт, 30 лѣт игуменил, а кн(я)зь Юрии Дмитриевич хрестникъ его, да Никон 40 лѣт игуменил, и потом Сава» (Q.XVII.57, л. 167 об.).⁵¹

Важно отметить, что упоминание Юрия Дмитриевича Ефросином Белозерским не обусловлено самим контекстом приписки, оно никак не вытекает из логики повествования. Крестником Сергия Радонежского был не только князь Юрий Галицкий, но и его родной брат Петр, а также другие князья, однако Ефросин отметил именно этого сына Дмитрия Донского. Можно сказать, что Ефросин вспомнил Юрия Дмитриевича потому, что он упоминается как крестник Сергия Радонежского в «Русском летописце», но в контексте перечня настоятелей Троице-Сергиева монастыря (Сергий — Никон — Сава) припоминание этого князя кажется совершенно излишним.

---

⁴⁸ Это известие восходит к тексту Троицкой летописи: «Тое же осени въ Филипово говѣние мѣсяца ноября въ 26 день, на память святого отца Алимпия столѣпника и святого мученика Георгия, князю великому Дмитрию Ивановичу родися сынъ князь Юрьи въ градъ Переяславль, и крести его преподобныи игумень Сергии, святыи старецъ» (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.: Л., 1950. С. 397).

⁴⁹ См.: *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников... С. 48.

⁵⁰ Связь записи Ефросина с Троицкой летописью уже была ранее отмечена в статье: *Бобров А. Г.* Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича... С. 99.

⁵¹ *Новикова О. Л.* Из истории редактирования летописных памятников... С. 210 (Ил. 1в).

Очевидно, что оно оказывается для кирилловского книжника существенным по неким собственным соображениям. Это хорошо согласуется с нашим предположением, что князь Юрий Дмитриевич был дедом кирилло-белозерского инокa.

4. Дмитрий Шемяка

Предполагаемый отец Ефросина, князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, назван в его сборниках всего лишь дважды, но оба эти упоминания весьма примечательны.

Первое упоминание относится к событиям 1452 г. Важное дополнение к тексту переписанной Ефросином Белозерским апокрифической «Епистолии о недѣле»⁵² оказалось неучтенным в описании его сборников. В конце этого сочинения говорится: «Написа же ся сие послание в лѣто 6956 [1448] индик(та) 12 въ градѣ Иер(у)с(а)л(и)мѣ. Преписа же ся сеи списокъ въ б(о)госп(а)саемѣмъ градѣ славном Москвѣ, при державѣ великог(о) самодержьца кн(я)зя Василиа Василиевича и его с(ы)на великог(о) кн(я)зя Ивана Василиевича, а по бл(а)г(о)с(ло)вению г(о)с(поди)на н(а)шег(о) прес(вя)щ(е)ннаго митрополита Ионы Киевскаго и всея Руси, в лѣт(о) 6960 [1452] индик(та) 15, м(е)с(я)ца марта въ 2 д(е)нь. **Того году, коли пошелъ кн(я)зь великий Иванъ Василиевич съ всѣмъ своимъ воинством на кн(я)зя Дмитриа Юрьевич(а) на Шемяку**» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088, л. 260 об.—261).

Заключительная фраза, выделенная полужирным шрифтом, — это дополнение самого Ефросина Белозерского к скопированной им писцовой записи 1452 г. Здесь имеется в виду поход двенадцатилетнего княжича Ивана (будущего Ивана III) в 1452 г. на реку Кокшенгу (к западу от Устюга, правый приток Ваги, в бассейне Северной Двины). После того, как в конце января 1450 г. великокняжеские войска взяли последний оплот Дмитрия Шемяки Галич, Дмитрий Юрьевич бежал к семье в Новгород, а Василий Темный посадил в Галиче и Угличе своих наместников. Позже Шемяке еще удалось на некоторое время занять Устюг, но поход 1452 г. на Русский Север войск Василия Темного, в котором и принимал участие княжич Иван Васильевич, вынудил Дмитрия Юрьевича вновь вернуться в Новгород.

Согласно великокняжескому летописанию, поход на Кокшенгу был частью успешной воинской операции: Василий Темный «отпусти сына своего князя великаго Иоанна на Кокшенгу противу князя Дмитрея, а сам поиде к Костромѣ, а с Костромы отпустил съ сыномъ своим сниматися царевича Ягупа, на князя же Дмитрея. А преже того послал князя Василья Ярославича да с нимъ бояръ своих, князя Семена Ивановича Оболенскаго и

⁵² Согласно А. Д. Седелникову, переписанный Ефросином текст «Епистолии о неделе» относится к Иерусалимско-Иоакимовской редакции XV в. (Седелников А. Из истории «Епистолии о неделе»: Иерусалимско-Иоакимовская версия у русских и у южных славян // *Slavia*. 1932. Roč. 11, seš. 1—2. S. 56—72, 274—294).

Федора Басенка, и иных многих, дворъ свои, къ Устюгу. А князь Дмитрей под Устюгомъ стоа, услышавъ, что идет рать на него, пожегъ посад Устюжской, побеже. А князь велики Иванъ да царевичъ с ним шед на Кокшенгу и градкы их поимаша, а землю ту всю плениша и в полонъ поведоша. А ходиша до усть Вагы и до Осинова поля, и оттоля возвратишася назад всѣ здрави и со многым плѣном и користью». ⁵³

В Софийской второй летописи читается весьма близкий текст (уточняется дополнительно, что «землю ту всю пусту поплениша», и что вернулись войска «с великою користью» ⁵⁴). Во Львовской летописи лишь кратко упоминается, что «ходилъ князь велики Иванъ Васильевич ратию на рѣку Двину и воевалъ Ноугородцкое Заволочие». ⁵⁵ В целом из летописей XV в. следует, что основные силы Василия Темного («двор» и лучшие воеводы) были направлены против Дмитрия Шемяки не на Кокшенгу, а под Устюг. Поход на Кокшенгу княжича Ивана с отрядом союзного царевича Ягупа имел лишь захватнические цели и был, судя по всему, направлен против союзных Дмитрию Шемяке местных жителей — «кокшаров» («градкы их поимаша, а землю ту всю плениша»). В таком случае, сведения Ефросина Белозерского о том, что Иван Васильевич ходил на Дмитрия Шемяку «сѣ вѣмъ своимъ воинствомъ», являются неточными: в Кокшенгском походе участвовала лишь часть великокняжеского войска. Очевидно, что запись Ефросина не восходит к летописным известиям; она является ошибочным, неточным «припоминанием» белозерского книжника о событиях 1452 г. Подобно рассмотренному выше упоминанию в записи на полях Юрия Дмитриевича Галицкого, оно никак не обусловлено контекстом и логикой повествования, возникает из личных, вероятно, автобиографических ассоциаций Ефросина Белозерского.

Второе упоминание Дмитрия Шемяки, принадлежащее перу Ефросина, находится в заключительной части «Русского летописца». Основная хронологически последовательная сетка статей этого летописного памятника завершается известиями о судьбе князей, потерпевших поражение в феодальной войне XV в. (отца и двух сыновей):

«Того же (1434 г.) лѣта преставися князь Юрии Дмитриевич.

В лѣто 6945 (1437 г.) поимали князя Василя Юриевича маиа 14.

В лѣто 6961 (1453 г.) преставися князь Дмитрей Юрьевич июля 23» (Погод. 1554, л. 16).

Согласно С. Н. Кистереву, основной текст «Русского летописца» переписан рукой не Ефросина, а игумена Игнатия (см. об этом подробнее выше), но перу белозерского инокa в любом случае принадлежат дополнения: «маиа 14» и «июля 23». ⁵⁶ Если первая из этих дат подтверждается

⁵³ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 272.

⁵⁴ ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. Стб. 126.

⁵⁵ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, первая половина: Львовская летопись. С. 262.

⁵⁶ *Кистерев С. Н.* Ефросин и «Руский летописец». С. 115—116.

другими источниками, то указание на день смерти Дмитрия Юрьевича 23 июля неизвестно летописной традиции, более ранней, чем правка Ефросина (та же дата обнаруживается лишь в Софийской второй летописи, восходящей к неофициальному своду 80-х гг. XV в.⁵⁷).

Следует отметить, что источники приводят различные даты смерти Шемяки. Согласно Типографской летописи, князь умер «по Петрове дни» (т. е. после 29 июня 1453 г.),⁵⁸ а в Житии Михаила Клопского утверждается, что он «канун Ильина дни преставися»⁵⁹ (т. е. перед 20 июля). Автор Летописи Авраамки приводит точную дату: «преставися князь великийи Дмитриии Юрьевичъ в Великомъ Новѣгородѣ на Городѣщи мѣсяца июля въ 17 день, въ вторникъ; и положенъ бысть в манастирѣ святого Егѳорія (sic! — А. Б.) въ церкви».⁶⁰ Действительно, 17 июля 1453 г. был вторник. Та же дата смерти Шемяки, 17 июля, читается и в окончании Новгородской четвертой летописи (по Строевскому и Синодальному спискам).⁶¹ В псковских летописях говорится о смерти Шемяки 18 июля, «на память святого мученика Емелиана».⁶²

Поскольку ни в одном раннем источнике нет точной даты 23 июля, можно полагать, что Ефросин Белозерский привел ее по памяти, по личным воспоминаниям, оказавшимся, скорее всего, неточными по прошествии более десяти лет. Возможно, 23 июля произошло погребение князя Дмитрия Юрьевича. Если принять отождествление Ефросина и сына Шемяки Ивана, то кирилло-белозерский инок действительно в юношеском возрасте был свидетелем весьма драматичных событий.

Дмитрий Юрьевич был отравлен, о чем знали многие его современники.⁶³ В летописях упоминается, что Шемяка «умре со отравы»,⁶⁴ что «даша ему лютаго зелия».⁶⁵ Об этом же, судя по Житию Мартиниана Белозерского, позже говорили между собой иноки белозерских монастырей («нецци поведают, окормлень бысть зелием от повара своего и умре»⁶⁶). Как показали

⁵⁷ *Лурье Я. С.* 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 223—240; 2) Летопись Софийская II // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 60—61.

⁵⁸ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24: Типографская летопись. С. 184.

⁵⁹ Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 96.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193.

⁶¹ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, вып. 2: Новгородская четвертая летопись. С. 445.

⁶² Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 51; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 48, 140.

⁶³ См. подробнее об отравлении Дмитрия Шемяки: *Бобров А. Г.* Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича... С. 119—126.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 4, вып. 2. С. 464, 490.

⁶⁵ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербинной. М.; Л., 1950. С. 83.

⁶⁶ Житие Мартиниана Белозерского / Подгот. текста и коммент. Е. Э. Шевченко // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 256. Благодарю Е. Э. Шевченко, обратившую мое внимание на этот факт.

современные исследования останков князя Дмитрия Юрьевича, он действительно был отравлен мышьяком.⁶⁷

В Ермолинской летописи приводятся подробности отравления: «Того же лѣта в Новѣградѣ Великомѣ преставися князь Дмитреи Юрьевичъ Шемяка; людская молва говорятъ, что будетось со отравы умерлъ, а привозиль с Москвы Стефанъ Бородатыи дьякъ къ Исаку к посаднику к Борецкому,⁶⁸ а Исакъ деи подкупиль княжа Дмитриева повара, именемъ Поганка, тыи же дасть ему зелие в куряти».⁶⁹ Вина за отравление Шемяки совершенно определено возлагается на великого князя в тексте Львовской летописи: «Того же лѣта посла великии князь Стефана Бородатаго въ Новгородъ съ смертнымъ зелиемъ уморити князя Дмитрея. Онъ же приѣха въ Новгородъ къ боярину княжо Дмитриеву Ивану Котову,⁷⁰ поведа ему речь великого князя, он же обещася, якоже глаголетъ Давидъ: яды хлебъ мои възвеличи на мя леть; призва повара на сеи советъ. Бысть же князю Дмитрею по обычю въсхоте ясти о полудни и повеле себе едино курия доспети. Они же оканнии смертнымъ зелиемъ доспеша его и принесоша его предъ князь; и яде не ведыи мысли ихъ; не случи же ся никому дати его. Ту же разболеся, и лежа 12 днѣи преставися».⁷¹

Версия Львовской летописи, в которой великий князь Василий Темный назван заказчиком убийства, подтверждается благодаря тому, что бывший боярин Шемяки Иван Котов может быть буквально пойман за руку при получении платы за свое преступление: сразу после отравления Дмитрия Юрьевича он становится дьяком его противника — московского великого князя. Об этом прямо свидетельствует наличие его монограммы на жалованной грамоте Василия Темного от 17 апреля 1454 г. (установлено Ю. Г. Алексеевым).⁷² Кроме того, именно Котова считал отравителем Шемяки и близкий к семье великого князя преподобный игумен Пафнутий Боровский: когда к нему в монастырь пришел один монах-странник, прозорливый старец, никогда его раньше не видевший, сказал своим ученикам, что этот человек даже иночеством не очистился от крови князя Дмитрия, которого он уморил, а это и был Иван Котов.⁷³ Запрещение митрополита Ионы помянуть Шемяку в церкви вызвало возмущение Пафнутия Боров-

⁶⁷ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 106—111, 210—217.

⁶⁸ В ркп. ошибочно «Богородицкому».

⁶⁹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23: Ермолинская летопись. С. 155.

⁷⁰ В Эттеровом списке Львовской летописи ошибочно читается «Нотову» (ПСРЛ. Т. 20, первая половина. С. 262).

⁷¹ Там же.

⁷² Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерки развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 176—177, 307.

⁷³ Троицкий патерик, или Сказания о святых угодниках Божиих, под благодатным водительством преподобного Сергия в его Троицкой и других обителях просиявших. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 243 (Репринт изд. 1896 г.).

ского, вышедшего победителем из спора с иерархом: «И Пафнотеи до конца поминавал князя Дмитрея».⁷⁴

О готовящемся преступлении, похоже, кое-кто знал или догадывался заранее. Родственник («своитин») великих князей преподобный Михаил Клопский неоднократно предупреждал Шемяку о скорой смерти. В первый раз он сказал Дмитрию Юрьевичу: «Княже, досягнеши 3-лакотнаго гроба!»⁷⁵ Второй приезд Шемяки в Клопский монастырь состоялся перед самой его кончиной, «на Троецкой недели в пяток»,⁷⁶ т. е., скорее всего, 25 мая 1453 г. Когда монахи пошли провожать Дмитрия Юрьевича, «Михаила князя за голову погладить да молвит: „Княже, земля вопиет!“ И трижды молвить».⁷⁷

Что же значит это загадочное и трижды повторенное речение? Существенно, что слова Михаила Клопского, обращенные к Дмитрию Шемяке, «земля вопиет», являются скрытой и неопознанной исследователями реминисценцией библейского текста (Быт. 4: 10): «И рече Господь: „Что сотворил еси сие? Гласъ крове брата твоего *вопиетъ* ко мне *от земли*“». Здесь говорится об осуждении Каина за убийство Авеля.

Тот факт, что отравление Дмитрия Шемяки было заказано великим князем, позволяет понять этот библейский подтекст предсказания Михаила Клопского. Мы должны в этой связи вспомнить и о «свойстве» Михаила Клопского с великокняжеской семьей, и об особых отношениях, которые были у преподобного с дядей Василием Темным и Дмитрием Шемякой — князем Константином Дмитриевичем. Скорее всего, клопский инок внимательно следил за развитием борьбы между членами его семьи, в которой он был к тому времени, очевидно, самым старшим по возрасту. Михаил Клопский мог знать, а мог и догадываться о готовящемся физическом устранении Шемяки. Его предсказания имели в таком случае для адресата характер не просто предсказания скорой смерти, а прямого предостережения об угрозе, исходящей от своей братии. По тексту Жития видно, что преподобный вовсе не был противником Шемяки — он, скорее, его жалеет и утешает. Особенно характерно, что о потерпевших поражение войсках Шемяки он говорит «наши» («Заблудили наши от супротивных бега!»)⁷⁸. «Своитин» великих князей московских, сам некогда ушедший за границы своего княжества, возможно, по причине какой-нибудь семейной «неправды», Михаил явно сочувствует опальному князю, что проявляется даже в его выразительном жесте: «за голову принял да погладил».⁷⁹ В предсказании кончины Шемяки Михаил Клопский, на наш взгляд, выступает не как вестник справедливого возмездия, а как советник, очень настойчиво, трижды (!) предупреждаю-

⁷⁴ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 365—366.

⁷⁵ Повести о житии Михаила Клопского. С. 96.

⁷⁶ Там же. С. 108.

⁷⁷ Там же. С. 96.

⁷⁸ Там же. С. 96 (примеч. 71), 132.

⁷⁹ Там же. С. 108; ср. с. 96, 133.

щий князя Дмитрия об опасности, исходящей от его «братии». Вероятно, так понял эти слова и сведущий в Писании Дмитрий Шемяка.⁸⁰ Наверное, не случайно он, согласно Житию Михаила Клопского, пожаловал монаха шубой со своего плеча.⁸¹

Возможно, Михаил Клопский — реальный или агиографический — действительно слышал, что «земля вопиет», и сообщил об этом князю. Библейский в своей основе образ крови, возопившей от земли, обогащается в предсказании Михаила фольклорными коннотациями, в которых сама одушевленная земля и другие стихии обращаются к людям с предостережениями. Нечто похожее слышали авторы и «Слова о полку Игореве» («Земля тутнет, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрывають (...) Кликну, стукну земля...»), и дошедшей до нас в автографе Ефросина Белозерского Краткой «Задонщины» («Воды возопиша, весть подаваша...»); ср. также поговорку, приведенную В. И. Далем: «Мать сыра земля, говорит нельзя!»⁸²

Итак, нами были рассмотрены упоминания предполагаемых предков Ефросина Белозерского, достоверно сделанные его собственной рукой. Можно заметить, что все они в той или иной степени имеют черты фамильного предания. Из устной семейной традиции могли происходить и прозвище его прапрапрадеда Ивана Даниловича — «Калита», и эпическая фольклорная характеристика его прадеда Дмитрия Ивановича Донского, и ассоциативные упоминания вне связи с контекстом и логикой повествования его деда Юрия Дмитриевича Галицкого и его отца Дмитрия Шемяки, а из личных воспоминаний могла появиться дата кончины (или погребения) князя Дмитрия Юрьевича.

На наш взгляд, все эти обстоятельства повышают достоверность предположения о тождестве Ефросина Белозерского и князя Ивана Дмитриевича Шемякина.

---

⁸⁰ То, что Дмитрий Юрьевич Шемяка был «книжным» человеком, подтверждают церковные иерархи, направившие ему в 1447 г. послание с призывом прекратить борьбу за великое княжение. Приведя ряд примеров из Священной истории, авторы послания говорят Дмитрию Шемяке, что могли бы еще много писать, «но сам, господине, как ти дал Бог разум, потонку разумеешь Божественное Писание» (Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1986. [Вып.] 1. С. 114).

⁸¹ Повести о житии Михаила Клопского. С. 96, 108, 133.

⁸² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 1: (А — З). С. 701 (сохранена пунктуация оригинала).